

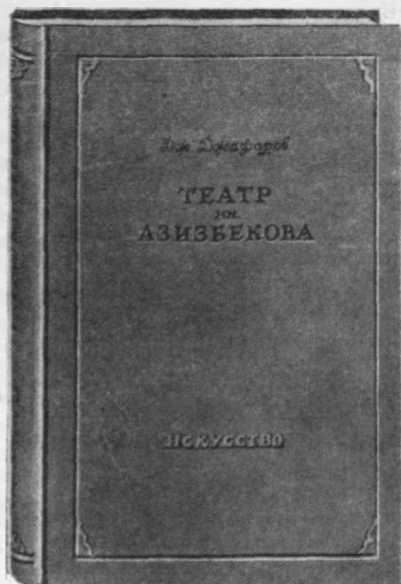
ходиться в непрерывном развитии. Автор справедливо критикует отдельные ошибки в понимании национальной формы, имевшие место в практике театра. Однако он не ставит вопроса, в чем же конкретно заключаются национальные особенности азербайджанского сценического искусства и, в частности, искусства театра имени Азизбекова. Это большой пробел книги. Правда, в двух ее местах говорится о национальном своеобразии в творчестве отдельных артистов. При характеристике дореволюционного артиста Г. Араблинского отмечается его «огромный темперамент, богатый психологический рисунок образа, живописность красок, естественная патетика, театральная приподнятость и музыкальность» и отмечается, что эти качества «во многом составляют и своеобразие искусства современного азербайджанского актера» (стр. 270). Но это сказано настолько бегло и общо, что не дает представления о национальном своеобразии творчества артиста, а механическое распространение перечисленных свойств на деятелей советской сцены не помогает читателю понять национальные особенности азербайджанского советского актера. В другом случае, утверждая, что артистка Ф. Кадри «сумела сохранить национальное своеобразие своего дарования» в роли Катерины («Гроза» А. Н. Островского), автор вместо того, чтобы дать свою характеристику национальных черт, проявленных артисткой в трактовке образа, предоставляет слово критике журнала «Театр» (см. стр. 235). В результате важный вопрос о национальной форме в творчестве театра имени Азизбекова остается нераскрытым.

Другим серьезным недостатком книги является сбивчивое толкование проблемы романтизма. В главах о дореволюционном театре автор не раз упоминает о реакционном романтизме, но как бы забывает о другом романтизме, который, не порывая с реализмом, звал читателя и зрителя к борьбе за народное дело, за лучшее будущее. А в главах о советском театре понятие романтизма (уже с положительной оценкой) почти везде упорно сочетается со словом «приподнятость» в самых различных его осмыслениях. Сущность же революционного романтизма, который неотделим от социалистического реализма и, по определению А. А. Жданова, «должен входить в литературное творчество

как составная часть»¹, заключается в том, что революционный романтизм не «возвышается» над действительностью, а раскрывает в ней основные, ведущие черты, вдохновляющие советских людей на подъем к новым высотам.

Вызывают возражения некоторые отдельные моменты изложения.

Для дореволюционного азербайджанского театра был чрезвычайно существен вопрос

о женских ролях, так как ислам запрещал мусульманкам выступать на сцене. Автор же только мельком, попутно упоминает о том, что до революции актрис-азербайджанок не было, и упускает из виду, что появление женщины в составе труппы после установления советской власти имело поистине революционизирующее значение.

Касаясь состояния Азербайджана середины XIX в., Дж. Джафаров пишет: «Люди жили допотопными, прадедовскими представлениями о жизни... люди чуждались всего нового, светлого, разумного... Люди слепо верили во всякую ересь...» (стр. 24). Можно подумать, будто вся нация без различия

¹ А. А. Жданов. Советская литература самая идейная, самая передовая литература в мире. Речь на I Всесоюзном съезде писателей. М. 1934, стр. 14.